

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Интервью с прологом

... Когда это случилось в десятый раз, я начал искать «виновника». Поиск не потребовал ни малейшего применения криминалистики и занял от силы пятнадцать минут. Компетентный товарищ (как выяснилось позднее — прямой соучастник), к которому я обратился за справкой, ответил вопросом на вопрос:

- В чем обвиняете ответчика?
- Да я не обвиняю, я... интересуюсь.
- А разве то, что он делает, интересно?
- Еще как!

Подумайте сами: в привычном утреннем концерте Башкирского радио слышишь давно и хорошо знакомую башкирскую песню: и слова те же, и мелодия, и припев, и даже голос певца. И все-таки это другая песня, прослушав которую, один недоуменно пожимает плечами, а другой с восторгом начинает выделывать колена модного танца. Что произошло с известным музыкальным произведением? Кто это сделал? И для чего? Радоваться этому? Или сетовать?

Маленький экскурс по аналогиям. Несколько лет тому назад весьма разноречиво воспринимались хлынувшие вдруг в радиоэфир и концертные залы отечественные и зарубежные интерпретации «Калинки» и «Катюши». А сегодня мы с равным удовольствием внимаем первоизданной «Калинке» Беляева с ансамблем Александрова и ладошами отбиваем ритм одноименного шлягера; считаем, что нам повезло, когда приобретаем грампластинку с раздольной, распевной шляггинской «Вдоль по Питерской» или с ритмически четкой «Вдоль по Питерской» в исполнении Магомаева. Кстати, одна из последних программ ленинградского ансамбля «Дружба» с его обаятельной Эдитой Пьехой построена как раз по принципу эстрадной метаморфозы популярных народных песен. И недавно гастролировавший в Уфе Городничий «Коробейников» поет не так, как Лемешев. Так что явление, зарождающееся в башкирской музыке, отнюдь не диморфное, а направленное, широко распространенное ныне, пожалуй, всюду. И если учесть, что в разное время в разных формах оно существует уже несколько веков и имеет вполне определенный термин — аранжировка, то можно завершать детективный момент и переходить непосредственно к интервью. Его дает преподаватель Уфимского училища искусств Роберт Газизов.

— Итак, именно вас назвали в музыкальной редакции Башкирского радио, как «виновника» непривычного звучания некоторых песен.

Р. Газизов: Уви, виновен. И еще в этом не раскаиваюсь.

— Путь в творчество всегда интересен. Ваш путь в музыку представляется интересным вдвойне, потому что еще совсем недавно вас знали, как инженера, как преподавателя технического вуза.

Р. Газизов: В общем-то это довольно обычный путь. Родители мои любят народные башкирские песни, но сам я к этой любви пришел не сразу. Будучи студентом Уфимского авиационного института, я пел в самодеятельности. Но увлекался я не только эстрадой — просто любил музыку. С годами любовь эта крепла и привела меня на заочное отделение училища искусств. Уже работая преподавателем Уфимского нефтяного института, я получил диплом училища и поступил на заочное отделение Казанской консерватории на факультет композиции в

класс профессора А. С. Лемана. Вскоре после этого, разрешив спор двух призваний в пользу музыки, начал преподавательскую работу в училище искусств, а когда открылся в Уфе институт искусств, перевелся туда.

Дело в том, что к этому моменту я уже всерьез увлекся башкирской музыкой, песней. И можно ли было удержаться от соблазна поучиться у такого ее большого мастера и тонкого знатока, как Загир Гарипович Исмагилов! Народный артист РСФСР и БАССР (на днях мы с радостью узнали, что отныне он — профессор), композитор З. Исмагилов своими произведениями оказал такое большое влияние на многих музыкантов, что можно было не сомневаться в его огромной помощи. Так оно и оказалось.

— Теперь о первопричине нашего разговора: что побудило вас увлечься аранжировкой и каково ваше кредо в этой работе?

Р. Газизов: Честно говоря, до сих пор моя работа носит

несколько учебный, экспериментальный характер. С одной стороны, аранжируя не только народные, но и песни таких великодушных наших композиторов, как З. Исмагилов, Н. Сабитов, Р. Муртазин, Х. Ахметов, Р. Сальманов и другие, пристальнее вслушиваешься в них, как бы проникаешь в творческую лабораторию мастера и учишься у него. Композитор не цитирует народную музыку, а пишет свою на основе постигнутых им законов и особенностей народного мелоса. А создать подлинно национальную музыку — высокое искусство. Вот этому проникновению в самую суть народного музыкального фольклора и творческому освоению его учиться необходимо. С другой стороны, песни наших современников, но старших современников, стараюсь услышать с позиции своего ровесника, его жизненного темпа. В любой области жизни: на производстве, в искусстве, в спорте — одним из главных символов современности стало ускорение темпов, ритма. Оказалось, что в башкирской музыке заложен неиссякаемый ритмико-темповый потенциал. Подчеркнуть его, проакцентировать, показать огромный диапазон возможностей башкирского мелоса — от строго академических до современно-эстрадных — вот суть моей работы.

— Известны композиторские обработки народной песни «Кара юрга». Недавно я услышал вашу в исполнении Н. Лукманова. Как шел поиск состава оркестра?

Р. Газизов: Видите ли, сама фактура произведения подсказывает и состав оркестра и направление аранжировки. В частности, песню Р. Муртазина «Зачем купил «Москвич?» я сделал в стиле дискеленда, другие работы идут в ритме шейка, например; включают полную струнную группу или сокращенную. Кстати, очень трудно бывает собрать музыкантов на запись. Но это уже детали поиска. А главное, думается, в том, что настало время по-серьезному взяться за национальную башкирскую эстрадную музыку. Уже многое делается в этом отношении, но без своего высокопрофессионального эстрадного оркестра ожидать быстрого и заметного качественного скачка, по-моему, нельзя.

— Ваша работа представляется в этом отношении глубокой разведкой боем. Но не вытеснила ли увлеченность ею прежнюю жадность к музыке — хорошей и разной?

Р. Газизов: Конечно, нет. За последнее время написал несколько башкирских эстрадных песен, завершил струнный квартет, сейчас работаю над хоровым циклом на слова поэта Шамиля Анака.

Ю. СТАРШОВ